
М. С. Пелевин

**Книжная поэзия пашто как ранняя форма фиксации
неписанных законов афганского кодекса чести**

О содержании и функциях афганского кодекса чести в системе социально-правовых и этнокультурных традиций афганского общества, объединяемых понятием *паштунвалӣ*, к настоящему времени написано уже немало работ¹. Почти все они имеют сугубо этнологический характер — объясняют смысл основных категорий этого кодекса, анализируют их функциональную направленность в условиях традиционного племенного быта, описывают конкретные случаи их применения на практике в исторической перспективе и в современных условиях. Хотя в этих работах нередко можно встретить ссылки на те или иные литературные источники, прежде всего стихотворные, где прямо упоминаются или подразумеваются законы *паштунвалӣ*, тем не менее классическая афганская поэзия еще не стала полноценным предметом внимания исследователей-этнологов как самая ранняя форма письменной фиксации исторически неписанных социальных норм паштунских племен.

¹ См.: Қ. Хāдим, *Паштунвалӣ* (Кāбул, 1952) (на яз. пашто); ‘А. Бахтāнай, *Паштани хойӯна* (Паштунские нравы) (Кāбул, 1955) (на яз. пашто); *Паштани додӯна* (Паштунские обычаи) (Кāбул, 1957). J. W. Spain, *The Way of the Pathans* (Oxford, 1962); A. Janata, R. Hassas, “Ghairatman — der gute Pashtune. Exkurs über die Grundlagen des Pashtunwali”, *Afghanistan Journal* III (1975), S. 83—97; I. Atayee, *A Dictionary of the Terminology of Pashtun’s Tribal Customary Law and Usages* (Kabul, 1358/1979); W. Steul, *Paschtunwali: ein Ehrenkodex und seine rechtliche Relevanz* (Wiesbaden, 1981); Ch. Lindholm, *Generosity and Jealousy. The Swat Pukhtun of Northern Pakistan* (New York, 1982); Л. Жехак, «Кодекс чести пуштунов», *Афганистан: история, экономика, культура* (Москва, 1989), сс. 58—72; Жехак, А. Л. Грюнберг, «Некоторые черты традиционного мировоззрения пуштунов», *Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии* (Москва, 1992), сс. 182—196 и др.

Естественно, у афганцев, как и у прочих народов, словесное творчество в его разных видах вплоть до самого последнего времени наряду с живой практикой оставалось одним из главных способов сохранения и передачи знаний о социально-правовых обычаях и этических принципах, лежавших в основе традиционного племенного (сегментарного) общества. При этом очевидно, что первичным источником *паштунвали* для всех социальных слоев афганцев являлся фольклор, в том числе авторские произведения народных певцов и сказителей — героико-романтические повести (как на заимствованные, так и на местные сюжеты), песни, баллады и пр. Однако первые рукописи таких текстов появляются лишь в начале XIX в., а первые систематические научные записи фольклорных произведений, начиная с самой значительной на эту тему работы Дж. Дармстетера², относятся лишь ко второй половине того же XIX столетия.

И по духу, и по содержанию эти фольклорные тексты несут на себе заметный отпечаток своего времени, более позднего по сравнению с тем, когда у афганцев сложился основной корпус законов и норм *паштунвали*. Достаточно сказать, что в фольклоре этого времени в большом числе присутствуют следы англо-афганского военного противостояния, придающие афганскому этическому идеалу довольно современное национально-патриотическое и общественно-политическое звучание.

Судя по терминологии кодекса чести и других институтов обычного права афганцев, законы *паштунвали* обрели свой нынешний вид в период интенсивной и сущностной исламизации паштунских племен, происходившей, по моему мнению, на рубеже XVI—XVII вв. Достоверными документами, отражающими внутреннее состояние афганского племенного общества в этот период, в первую очередь являются засвидетельствованные рукописями произведения национальной письменности пашто, становление которой тоже шло параллельно с процессом исламизации.

Основную часть ранней письменности пашто составляли богословско-правовые и религиозно-дидактические сочинения, направленные на проповедь исламского вероучения в его разных формах — как традиционалистских, так и мистических. Кроме них, однако, достаточно быстро стала развиваться и поэзия, изначально ориентированная на стандарты персидской

² J. Darmesteteter, *Chants populaires des Afghans* (Paris, 1888—1890).

классики и сознательно противопоставленная афганскому фольклору (до нас, разумеется, не дошедшему). Ранние афганские поэты не скрывали своего высокомерного и даже презрительного отношения к фольклору, полагая, что его ущербность заключается, во-первых, в отсутствии письменной фиксации, во-вторых, в несоблюдении правил классической арабо-персидской поэтики, а самое главное — в предпочтении приземленных развлекательных тем глубокому духовному содержанию.

Не случайно национальная и общественно-историческая тематика в афганской письменной поэзии получает отражение не сразу, а только в середине XVII в., и при этом в очень ограниченных размерах. Соответственно факты и суждения, относящиеся к афганскому кодексу чести и *паштунвали* в целом, в ранней литературе пашто тоже представляют собой крайне скудный и разрозненный материал, позволяющий составить не целостную картину, но лишь общее представление о бытовании этих традиционных общественных институтов в афганских племенах.

Степень интереса и отношение ранних паштунских авторов к кодексу чести зависели прежде всего от их социального статуса, идейных и художественно-эстетических взглядов, а также определялись тем, к какому литературному направлению — условно духовному или светскому — они принадлежали. В беглых и обычно крайне лаконичных упоминаниях афганскими поэтами кодекса чести, тем не менее, хорошо просматривается глубокий идеологический и социальный конфликт между племенной военной аристократией и относительно новым для афганского общества духовным сословием в лице мусульманских богословов-проповедников и духовных учителей мистической ориентации.

В ранней литературе пашто отсутствовал устоявшийся общий термин для тех принципов и норм, которые составляют понятие афганского кодекса чести. Часто используемое в обиходе слово *паштунвали* именно в значении кодекс чести является более емким понятием, охватывающим не только этику. Ближе значение кодекса чести передает термин *нанг* (или *нанга*), собственно «честь», но в самом комплексе этических норм он является хотя и основополагающим, но все же отдельным принципом.

В стихах ранних афганских поэтов термин *паштунвали* (или *паштунвалай*) не встречается. Впервые, по моим сведениям, он фиксируется в прозаическом историографическом сочинении

первой половины XVIII в. «Украшенная драгоценностями история» (*Tārīḫ-i muraṣṣa'*), хотя там он фигурирует в отрывках-цитатах из текстов более раннего времени. Автор этого сочинения Афзал-хāн Хатак (ум. 1740/41) использовал дневниковые записи своего деда Хўшхāl-хāна Хатака (1613—1689), из которых, например, взяты такие строки, написанные в 1675 г.: «...В дороге через Цацобу со мной [были] люди Аймал-хāна [Моманда]. Приехал я в Даку, там провел ночь. Утром пришла лодка, [на ней] я перебрался через реку. Медленно мы ехали [по землям] момандов. Все хорошо исполняли [законы] *паштўнвали* (*vāro шэ паштўнвали кавэла*), вели себя достойно. Угощения и прочее должным образом устраивали. Всюду сопровождали меня. Так провели нас через свои пределы. Увидел я, что моманды — хорошие люди. Особенно Назар Моманд, замечательный юноша был. Камāl-хāн — его брат, очень полюбился он мне: настоящий мужчина, честь (*нанг*) в нем очень видна...»³

В поэтических произведениях первой половины XVII в. традиции и обычаи афганцев в целом (то есть то, что и определяется понятием *паштўнвали*) именуется стандартными арабскими терминами *'ādat* («обычай») и *rasm* («традиция»), а применительно к кодексу чести употребляется персидское сочетание *нанг-у нām* («честь и имя»). В персидской поэзии это выражение как понятие, означающее этический идеал благородного человека и воина, использовалось уже со времен Фирдоуси (ум. ок. 1020). В «Шāх-нāма» последний сасанидский царь Йаздигирд, обрушиваясь с хулой на арабов-завоевателей, произносит такую фразу: «У этих [людей], похожих на ворон, ничтожных душой и телом, нет ни ума, ни знания, ни имени, ни чести (...на нām-у нанг)»⁴.

В персидской суфийской поэзии выражение *нām-у нанг*, сохранив прежнее значение чести и славы, приобрело, однако, противоположный по идейному наполнению смысл и стало выражать собой то, что в корне противоречит этическим принципам религиозного мистицизма. В таком смысле оно фигурирует, например,

³ Афзал-хāн Хатак, *Tārīḫ-i muraṣṣa'* (Украшенная драгоценностями история), подготовка текста и примеч. Д. М. Кāмила (Пешāвар, 1974), сс. 323—324.

⁴ Цит. по: Е. Э. Бертельс, *История персидско-таджикской литературы. Избранные труды* (Москва, 1960), с. 222.

у классика персоязычной литературы Индии Амīра Хусрава Дихлавй (1253—1325), происходившего, как известно, из тюркского военного сословия, но тесно связанного с суфийским братством чиштиййа. В одном из его четверостиший устами восторженного мистика говорится: «Мы — те, кто отвернулись от киблы к идолу и предали забвению имя и честь (*нām-у нанг*)»⁵.

Спорадические высказывания о кодексе чести, точнее — о понятии *нанг-у нām*, в ранней поэзии афганских мистиков и еще более редкие упоминания о нем в религиозно-дидактических стихах богословов обычно следуют в контексте резкой критики, направленной на племенные законы и обычаи, которые рассматриваются как несовместимые с исламом и прямо ему противоречащие. Составляющие *нанг-у нām* принципы личного достоинства, самоуважения, уверенности в своих силах, самодостаточности поэты-мистики считали главными помехами на пути познания Бога, требующем отказа от личного «я», а богословы видели в них отступление от религиозной этики *шарī‘ата*.

Например, у поэта-мистика Давлата Лохāная (ум. после 1658) довольно часто противопоставляются *нанг-у нām* как качества духовно непросвещенных невежд и искреннее самоотречение людей, стремящихся к Богу. «Пока не скинешь с тела одежду чести и имени, — образно говорит Давлат, — излучины [мирского] не выплывешь». Поэт признается, что в мирской жизни он сам тоже следовал принципам *нанг-у нām*, но одно свидание с Другом-Богом лишило его «и чести, и имени». «Я избрал бесчестие (*бенангī*), безумцем стал, а честь и имя оставил простонародью», — заявляет он в другой *газели*. Краткий постулат, четко определяющий отношение поэтов-мистиков к кодексу чести, высказан Давлатом в начале одной из его *қағид*: «Всякому мурīду, который не преодолел честь и имя, притязания на постижение Бога запретны»⁶.

Другой мистический поэт, Мйрзā-хāн Ансārī (ум. ок. 1631), называл законы чести «стеной», возведенной низшей душой (*нафс*). Подобные же чувства испытывал к *нанг-у нām* и Вāсил Рошāнй (ум. после 1648), который считал мирскую честь тес-

⁵ Цит. по: З. Сафā, *Тārīх-и адабийāt дар Йрāн ва дар қаламрав-и забāн-и нāрсī* (История литературы в Иране и в пределах распространения языка фарси) (Техрāн, 1994, 10-е изд.), iii/2, с. 797 (на персидском яз.)

⁶ Давлат Лавāнай, *Дивāн*, предисл. ‘А. Рашāда (Кāбул, 1975), сс. 22, 65, 149, 189 (на яз. пашто).

ным ристалищем для познавших Бога и говорил, что он сам переступил через нее только благодаря божественной любви. При этом, несмотря на резко отрицательное отношение мистических поэтов к понятию чести, глубоко в подсознании оно сохраняло для них свое высокое значение. Так, Мйрзā-хāн в одном *бейте* заявляет, что рабу (мистику), погибшему за своего господина (Бога), уготована «вечная честь (*нанг*)», а Вāсил Рошāнй, обращаясь к себе от имени Бога, вкладывает в уста Всевышнего такие слова: «Я забочусь о твоей чести...»⁷

Некоторые другие понятия *паштунвалй* тоже были подвергнуты у духовных поэтов переосмыслению и вошли в их понятийный лексикон. Неоднократно, например, в их стихах упоминается *зайрат* — собственное достоинство и готовность его защищать. Мйрзā-хāн полагает, что, разжигая «огонь собственного достоинства», мистик уничтожает все свои благие дела, поэтому ему необходимо постоянно очищать грудь от «ржавчины собственного достоинства». Вāсил признает, что *зайрат* мешает общению с Богом, и утверждает, что он сам был избавлен от этого чувства улыбкой Друга. Давлат, связывая *зайрат* с обычаем кровной мести, называет его качеством лицемера и замечает, что истинному верующему мстительность не прищца⁸.

Иногда понятия *паштунвалй* сохраняли у поэтов-мистиков положительный смысл. Так, Давлат применительно к стойкому приверженцу мистического пути использует термины *мерз* и *дзвāнмард* («доблестный муж»), которыми в *паштунвалй* именуется смелый и благородный ревнитель идеалов кодекса чести. У Мйрзā-хāна *дзвāнй* («отвага», «благородство») — это именно то, чему учит духовный наставник⁹. В персидской суфийской литературе эти же понятия — *мард* и *джавāнмард* — тоже издавна применялись по отношению к безупречным ревнителям мистических идей¹⁰.

⁷ Мйрзā-хāн Ансāрй, *Дивāн*, подготовка текста, предисл. и примеч. Доста (Кāбул, 1975), сс. 2, 8 (на яз. пашто); Вāсил Рошāнй, *Дивāн*, подготовка текста, предисл., примеч. З. Хевāдмала (Кāбул, 1986), сс. 7, 13, 36 (на яз. пашто).

⁸ Мйрзā-хāн Ансāрй, *op. cit.*, сс. 22, 155; Вāсил Рошāнй, *op. cit.*, сс. 7, 73; Давлат Лавāнай, *op. cit.*, с. 12.

⁹ *Ibid.*, сс. 12, 13, 114; Мйрзā-хāн Ансāрй, *op. cit.*, с. 139.

¹⁰ A. Schimmel, *Mystical Dimensions of Islam* (Chapel Hill, 1975), p. 246.

Нередко Давлат восхваляет такие качества, как мужество (*шуджә'ат*) и щедрость (*сахәват*), лежащие в основе законов чести у воинских и аристократических сословий многих народов. Взятые из контекста религиозно-философских наставлений, его слова о том, что «у мужа (*мерэ*) нет достоинства без доблести и щедрости», или риторический вопрос: «Разве достигнет ранга мужей (*мардән*) тот, кто постоянно предается сну и чревоугодию?»¹¹, — звучат в духе чуть более поздней национальной поэзии Хушхәл-хәна.

Любопытный пример отражения в духовной поэзии пашто принципов *пашт паштүнвали* содержится в одной любовной *газели* Мйрзә-хәна, где автор описывает черты характера некоей красавицы, образ которой настолько приземлен, что для читателя остается загадкой, идет ли здесь речь о земной женщине или это очередная, но только более экзальтированная и вульгаризованная интерпретация мистической любви к Богу¹². Мйрзә называет эту красавицу четырьмя десятками самых разных эпитетов, в том числе *бененга* и *бенәмӯса* («не имеющая чести и достоинства»). Принцип *нәмӯс* в *паштүнвали* устанавливает правила должного поведения женщин и обращения с ними мужчин. Поведению красавицы поэт противопоставляет образ жизни обычных паштунок, которые, по его словам, ведут себя скромно, лишены прайдности, делают только то, что дозволено верой, владеют лишь самым простыми и обыденными знаниями.

Любопытная параллель подобным рассуждениям поэта-мистика содержится в стихах автора совершенно иного идейно-художественного направления — Хушхәл-хәна Хатака, представителя племенной верхушки и основателя подлинно национальной афганской литературы. Касаясь содержания принципа *нәмӯс*, Хушхәл в одном из стихотворений порицает нескромных женщин, которые любят ходить по гостям, самостоятельно прогуливаются вне дома, на свадьбах и похоронах то и дело озираются по сторонам, по базару ходят с непокрытой головой и «широко раскрытыми глазами», выглядывают из-за стен дома, чтобы завязать разговор с посторонними мужчинами¹³. Эти упреки, кстати, прекрасно иллюстрируют реальный

¹¹ Давлат Лавәнай, *op. cit.*, сс. 13, 35.

¹² Мйрзә-хән Ансәрай, *op. cit.*, сс. 144—145.

¹³ Хушхәл-хән Хатак, *Куллийәт*, предисл. и коммент. Д. М. Кәмила (Пешәвар, 1952), с. 75 (на яз. пашто).

быт афганских женщин, которые явно нарушали предписанный им исламом и принципом *намӯс* затворнический образ жизни.

Произведения Хушхал-хана, как и все последующие сочинения светской и национальной направленности, появившиеся в среде племенных вождей, в целом обнаруживают двойственное отношение их авторов к законам *паштунвали*. Представители военно-административной верхушки, с одной стороны, декларируют безусловное главенство правовых норм *шарӣ'ата* над племенными обычаями, а с другой, проповедуют неизбежность этических принципов, относящихся к кодексу чести. В стихах Хушхала мы встречаем такие противоположные по смыслу поучения: «Делай так, как велит шарӣ'ат, не поступай согласно обычаям» и «Покуда у тебя хватает сил и [божьей] помощи, не отходи ни на миг от [законов] паштунской чести»¹⁴.

Наиболее заметна противоречивость взглядов, правильнее — высказываний, Хушхала относительно *паштунвали* и *шарӣ'ата* в небольшой дневниковой поэме о поездке в долину Свāt (1675). Поэт выражает здесь неприятие, видимо, отчасти показное, разных афганских обычаев (таких как левират, брачный выкуп типа калыма, исключение женщин из наследования недвижимости, кровная месть) и одновременно критикует населяющих Свāt афганцев-йусуфзаев за нарушение афганского кодекса чести, показывая тем самым собственную приверженность его принципам. Например, по поводу скардности и ущербного гостеприимства йусуфзаев он высказывается так:

Нет над ними закона, ничего никому не дают,
все добывают только для себя, сами же и потребляют...
Нет [у них] ни приглашения в гости, ни приглашения
к трапезе,
ни вежливости, ни [правил] общения, ни доброты сердца...
Старейшина деревни, рода, племени
разве когда зарежет для гостя хотя бы петуха?
Если что-то тратят на масло [для лампы] или угощение
[для гостя],
то даже у богатого сердце сжимается в муках¹⁵.

¹⁴ *Ibid.*, сс. 560, 593.

¹⁵ *Idem*, *Свāt-нāма* (Книга о Свāте), предисл. и примеч. 'А. Хāбийб (Кāбул, 1979), сс. 23, 25, 28, 29.

В целом в лирике Хушхал-хана можно найти назидательные стихи, где проповедуются почти все основные принципы афганского кодекса чести: *нане* (с разделением его на две составляющие категории — *дэ дзāн* 'izzat (самоуважение, гордость) и *химмат* (мужество, стойкость), *зайрат* (собственное достоинство), *тӯра* (воинская доблесть), *бадал* (компенсация, в первую очередь кровная месть), *вар-кавал* или *сахават* (щедрость, великодушие), *мелмастийā* (гостеприимство), *намӯс* (защита женской чести). На основе стихов Хушхала вырисовывается такой схематичный образ идеального паштуна-мужчины. Это тот, кто горд, как кипарис, и одновременно скромнен, как стелющиеся ветви винограда, кто «мало говорит и много делает молча», кто не задает лишних вопросов и ничего ни у кого не просит, кто сдержанно и спокойно переносит любые трудности, кто верен слову и договору, кто следует закону возмездия, но умеет великодушно прощать, кто любит оружие и в бою не прячется за спины других, чья щедрость лишена корыстных побуждений, но далека от бессмысленного расточительства. Достаточно привести только одну короткую, но очень сочную цитату, в которой говорится о гостеприимстве:

Мужи — это те, кто выкладывает жареную жирную баранину,
поливают белый рис топленным маслом,
маринады, соленья, шербеты разных видов
выставляют гостю кувшин за кувшином.
Муж всегда будет сам обслуживать гостя
и долго-долго занимать его беседой¹⁶.

Стихотворения Хушхал-хана — видимо, самые ранние письменные памятники на пашто, где содержатся конкретные, хотя и отрывочные сведения об афганском кодексе чести. По справедливому мнению А. Л. Грюнберга, поэзия Хушхала с течением времени стала для афганцев одним из источников традиций *паштунвалӣ*, а имя поэта связывается в народном сознании с представлениями о том, каким должен быть идеальный паштун. Не случайно современные афганские периодические издания, имеющие и социально-политическую, и культурно-просветительскую направленность, часто оформляются девизами и лозунгами, взятыми из стихов Хушхал-хана.

¹⁶ Idem, *Куллийāt*, с. 883.

Поскольку *паштунвалӣ* — это прежде всего традиции, передаваемые от поколения поколению изустно или путем примера и не имеющие письменной фиксации в виде общепризнанного свода законов, особую важность для изучения истории этих традиций, их корней имеют памятники классической литературы пашто, которые являются самым достоверным свидетельством бытования норм *паштунвалӣ* в эпоху, уже ушедшую из исторической памяти народа и не отраженную в сохранившихся произведениях устного творчества.